

УДК 141.338

DOI: 10.34670/AR.2025.16.37.006

Краткая история развития и генезис управленческих практик в контексте социально-философской мысли Китая

Ли Сяочжоу

Аспирант,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, д. 68;
e-mail: 453410849@qq.com

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме – раскрытие исторического наследия китайской управленческой мысли в рамках его применимости для решения текущих проблем современности. Целью исследования является анализ эволюции существующих философских взглядов в контексте процесса управления государством в Китае в разные исторические периоды. Были рассмотрены требования к правителю в соответствии с ожиданиями китайского общества в разные исторические периоды. Большое внимание было уделено и процессу влияния существующих философских убеждений на процесс становления китайской цивилизации. Исследуется процесс исторического взаимодействия таких идей в рамках становления принципов корпоративной этики. В фокусе анализа находятся ключевые парадигмы, сформировавшие традиционную модель управления: конфуцианство с его принципами иерархии, «жэнь» («человеколюбия») и «ли» («ритуала»), даосизм с концепцией «у-вэй» («недеяния») и легизм с его доктриной «фа» («закона»). Следовательно, научная новизна исследования заключается в описании и обобщении теоретических знаний, связанных с религиозно-философскими традициями на механизмы поддержания социального порядка. В результате выявлено, что ранние управленческие практики сформировались на основе сакральных представлений (культ предков, Небо), где правитель выступал медиатором, ответственным за поддержание космической гармонии. Анализ принципов «жэнь» и «ли» (Конфуций), «у-вэй» (Лао-цзы), «фа» (Шан Ян) также позволяет выявить универсальные механизмы гармонизации отношений между личностью, обществом и государством.

Для цитирования в научных исследованиях

Ли Сяочжоу. Краткая история развития и генезис управленческих практик в контексте социально-философской мысли Китая // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 8А. С. 43-52. DOI: 10.34670/AR.2025.16.37.006

Ключевые слова

Китайская философия, гармония, конфуцианство, буддизм, даосизм, легизм, принципы управления китайским обществом, управленческие практики.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что порой, даже в нынешние дни, западные управленческие модели демонстрируют свою ограниченность в условиях глобальных кризисов, турбулентности и растущей культурной многополярности мира. Им можно противопоставить опыт китайской цивилизации, которая существует на протяжении долгих столетий. Наиболее ярко они отражены в существующих философско-религиозных доктринах: конфуцианство, даосизм, буддизм и легизм.

Эта проблема *широко волнует умы современных авторов*, уделяющих внимание отдельным философским убеждениям наиболее ярких представителей конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма в разные периоды существования китайской цивилизации: О.В. Евтихов, Э.Т. Караев, Ли Сяосюань, Т.Ф. Марханова, К.С. Сидаш, З.Н. Каландаришвили, А.В. Кандаурова и др. Некоторые исследователи, такие как Юй Цзянь и Л.А. Шогенова, отмечают их влияние на общество.

Целью исследования является анализ эволюции существующих философских взглядов в контексте процесса управления государством в Китае в разные исторические периоды.

Реализация поставленной цели обусловила необходимость решения *исследовательских задач*:

- описать истоки развития управленческих практик в древнем Китае;
- охарактеризовать взгляды наиболее ярких представителей конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма;
- изучить степень воздействия взглядов китайских философов на процесс становления китайской цивилизации;
- сформулировать факторы устойчивости имперской управленческой системы Китая.

В основе данного исследования лежит *комплекс общенаучных и специальных методов*, направленных на всесторонний анализ взглядов китайских философов: историко-генетический метод (в рамках изучения эволюции управленческих концепций, существующих в Китае), сравнительный анализ (в контексте выявления сходств и фундаментальных различий между управленческими моделями конфуцианства, легизма, даосизма и буддизма), герменевтический метод (для интерпретации смыслового содержания ключевых понятий («ли», «жэнь», «у вэй», «дэ», «тянь мин») в их историческом и культурном контексте).

Теоретической базой исследования послужили канонические тексты религиозно-философских доктрин Китая в авторитетных переводах и с опорой на оригинальную терминологию. К ним относятся «Лунь юй» Конфуция, «Дао дэ цзин» Лао-цзы и др. Также мной были изучены труды русских авторов по истории китайской мысли (в их числе работы О.В. Евтихова, Юй Цзяня, Ли Сяосюань, Э.Т. Караева, Т.Ф. Мархановой, О.А. Бонч-Осмоловской, Л.А. Шогеновой и др.), которые были подвергнуты критическому анализу.

Практическая значимость исследования кроется в сравнении отдельных постулатов, связанных с общественным порядком, которые приняты в научных трудах конфуцианцев, даосов, буддистов и легистов.

Сущность и основные идеи ведущих философско-религиозных учений китайской мысли

Как отмечает О.В. Евтихов, ранние управленческие практики в древнем Китае формировались в рамках синкретического единства религиозных представлений [Евтихов, 2010, 37]. Их мировоззренческой основой выступал культ предков, игравший ключевую роль в

социальной организации, а также обожествление Неба («*тянь*»), который воспринимался как верховный принцип миропорядка.

Центральной фигурой в подобной системе был правитель, носивший сакральный титул Сына Неба. Его легитимность основывалась на концепции Небесного мандата, который даровался за добродетель («*де*») и мог быть отозван в случае неэффективного правления. Функция императора заключалась в роли единственного посредника между мирами людей и духов, что делало его ответственным за поддержание космической гармонии. Любой его проступок интерпретировался как первопричина социальных потрясений, что создавало механизм ответственности власти перед высшим трансцендентным авторитетом. Принятие управленческих решений также требовало сложных процедур согласования с высшей волей. Для этой цели использовались гадательные практики на стеблях тысячелистника.

В эпоху Сражающихся царств развивались различные школы социально-философской мысли: конфуцианство, даосизм, буддизм и легизм.

Конфуцианство как важнейшее учение сформировало фундаментальные основы дальневосточной цивилизации, предложив уникальную модель управления, которая кардинально отличалась акцентом на морально-этическом фундаменте власти. В его основе лежит ритуал, который понимался не как пустая формальность, а как совокупность образцов поведения, которые, будучи усвоенными и добровольно соблюдаемыми, создают идеально функционирующее общество, где каждый индивид интуитивно понимает свои обязанности и место в общей иерархии, как отмечает Юй Цзян [Цзян, 2024, 10].

По мнению Ли Сяосюань, еще одной характерной чертой конфуцианского управления стало понятие «*жэнь*» или «гуманность», которое представляло собой моральный императив, требующий искренней заботы о благополучии подданных, отношения к ним как к собственным детям [Сяосюань, 2022, 93]. Благодаря такой связи каждый чиновник воспринимался в качестве «благородного мужа» («*цзюнь-цзы*»), который должен был стремиться к непрерывному нравственному самосовершенствованию, дабы своим примером вдохновлять других.

Именно для поддержания этой иерархической гармонии была разработана доктрина «*чжэн мин*», которая переводится как «исправление имен», требующая безупречного соответствия между социальным статусом человека, его титулом и его реальным поведением и моральными качествами; именно тогда в обществе воцаряется предсказуемость, исчезает почва для конфликтов, поскольку каждый выполняет предписанную ему ритуалом роль и тем самым поддерживает космический порядок.

К тому же, обязательства по управлению обществом были возложены на плечи сельских общин, как отмечает А.Л. Рябинин [Рябинин, 2020, 58]. В них входили люди, которые проживали на одной территории и занимались общей деятельностью. Неудивительно, что в дебатах о государственных реформах, проводимых в кругах правящей конфуцианской элиты, большое внимание уделялось правилам организации деревенской жизни. К примеру, в «Рассуждениях о соли и железе» подчеркивается важность сельского хозяйства для государства, поскольку оно гарантирует, что «народ будет простым и честным», и, как следствие, им будет легко управлять [Nishijima, 1986, 548].

Даосская традиция, возникшая практически в тот же исторический период ожесточенной внутренней борьбы, что и конфуцианство, предложила иную модель управления, основанную на принципе «*у вэй*», не-деяния или ненасильственного действия. По мнению Э.Т. Караева, это означает «невмешательство мудреца в природу сущего и в естественный ход событий», лишенное всякой эгоистичной воли [Каоаев, 2024, 160]. Отсюда следует мысль о том, что

мудрый правитель не придумывает сложные законы, не ведет захватнических войн, не обременяет народ тяжелыми налогами, не стремится обогатиться. Вместо этого он стремится жить в абсолютной гармонии с природой.

Для достижения этой цели использовался целый комплекс практик, например, тренировка дыхания, в рамках которой человек учился воспринимать процесс дыхания не как простое поглощение воздуха, а как работу с изначальной жизненной энергией («юань ци»). Задачей было накопление этой энергии в особом центре в нижней части живота. Считалось, что это очищает организм от вредоносных влияний. Затем реализовывалась практика внутреннего созерцания, где человек должен был представить божества, которые обитали внутри его тела. Например, это могли быть три «червя-паразита», локализованные в голове, груди и животе, которые символизировали болезнетворные начала. Важно подчеркнуть, что упомянутый пантеон божеств понимался не как сонм внешних, подобных античным, богов, а в первую очередь как совокупность внутренних архетипов. Задача каждого индивида состояла не в простом почитании, а в их символическом воплощении внутри себя и подчинении. Важно упомянуть о идее о том, что вселенная управляется по единым законам, и человек, познавший их, способен стать полновластным правителем собственной внутренней вселенной. Отголоски этих представлений легко обнаружить в современной массовой культуре, например, в жанре «куся» (романы о боевых искусствах), где герои «взрачивают» внутреннюю силу, или в видеоиграх, где механизм «прокачки» персонажа через накопление опыта.

Что касается *буддизма*, то учение проникло на территорию Китая в I веке нашей эры, совершив длительный путь из Индии. Его доктринальная основа предлагала концепцию посмертного существования, центральное место в которой занимала идея непрерывного цикла перерождений (сансары). Ключевым механизмом, определяющим качество каждого следующего воплощения, выступает закон кармы. В качестве идеальной модели правителя, чья деятельность согласуется с принципами учения, часто рассматривалась фигура индийского императора Ашоки. Его политика была направлена на благополучие подданных и выражалась в реализации социально значимых проектов: строительстве приютов для путешественников, запрете ритуального забоя животных с последующим переходом на вегетарианство, а также в финансировании медицинских учреждений. Аналогичным образом, на китайской земле началось активное возведение монастырских комплексов, которые становились не только местами для групповой медитации и рецитации священных текстов (сутр), но и, как отмечает исследователь Т.Ф. Марханова, выполняли функцию интеллектуальных хабов [Марханова, 2018, 110].

Постепенная ассимиляция убеждений представленного религиозно-философского течения происходила через активную работу по переводу сутр на китайский язык, в ходе которой индийские понятия часто передавались с помощью даосской терминологии (например, нирвана как «увэй»). К тому же, социальное влияние буддизма проявилось в возникновении института монашества («сангхи»), который существовал автономно, подчиняясь собственному уставу. С философской точки зрения, религиозно-философское течение обогатило китайскую мысль при помощи необходимости самосовершенствования.

Последнее течение, которое оказало наибольшее влияние на процесс становления китайского общества, представлено *легизмом*. Легисты считали, что большинство людей, по своей природе, эгоистичны, то есть всегда будут действовать в собственных интересах, даже если это навредит окружающим. Поэтому они верили, что полагаться на мораль в управлении государством бессмысленно. Единственный способ поддержания общественного порядка кроется в принятии жесткой системы поощрений и штрафов, как отмечают К.С. Сидаш, З.Н.

Каландаришвили и А.В. Кандаурова [Сидаш, Каландаришвили, Кандаурова, 2018, 7]. Соблюдать закон обязаны все, в частности, и верховный государь. Наиболее выдающимися представителями данного течения являются Шан Ян и Хань Фэй, которые требовали продвижения по службе и вознаграждения государственных чиновников в соответствии с их способностями и заслугами. В частности, их ключевыми достижениями стало провозглашение принципа, согласно которому закон должен быть суров, а наказания представляли как неотвратимые, дабы ценой страха подавить любые поползновения к нарушению установленных норм; при этом они выступали за простоту законов, чтобы любой крестьянин мог осознать последствия их нарушения, и за абсолютное равенство всех перед законом, за исключением лишь самой персоны правителя, что было революционным для своего времени, но на практике часто вело к произволу, так как закон применялся с одинаковой жестокостью ко всем слоям населения. Однако благодаря их инициативе такие государства, как Хань и Цинь, превратились в централизованные империи с сильной монархической властью. Это продолжается и по сей день; так, по мнению О.В. Дубковой и Ф. Цун, с 2013 года верховенство права включено в систему базовых ценностей социализма, «и с этого времени начинается активное включение данного понятия в национальную лингвокультуру» [Дубкова, Цун, 2023, 164].

Сравнительный анализ базовых принципов конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма

Культурное наследие Китая демонстрирует удивительный пример гармоничного взаимодействия нескольких религиозно-философских традиций. Четыре великих учения, а именно конфуцианство, даосизм, буддизм и легизм, возникли в разные исторические периоды и в иных культурных контекстах, но на протяжении веков совместно формировали интеллектуальный облик не только самого Китая, но и многих стран Восточной Азии. При внешней несхожести их доктрин, именно в полемике друг с другом эти учения сформировали целостное мировоззрение китайской традиции.

В таблице 1 представлены сходства и различия между перечисленными религиозно-философскими учениями.

**Таблица 1 – Сравнение ключевых идей
конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма**

Критерий сравнения	Конфуцианство	Даосизм	Легизм	Буддизм
Основные цели человеческого существования	Стабильность общественного порядка.	Гармоничное существование с природой.	Формирование сильного государства, в основе которого лежат законы.	Освобождение от страданий.
Роль императора.	Выступает в качестве образца для подражания, ибо тот божественный сын.	Не должен принимать активного участия в происходящих событиях.	Должен иметь твердую руку, чтобы править при помощи системы поощрений и наказаний.	Играет не центральную роль, куда важнее деятельность монахов.
Социальный порядок.	Иерархичен, большую роль играет семья как социальный институт.	Спонтанен, ограничиваются любые формы вмешательства в повседневную жизнь граждан.	Четко регламентирован, как в законодательных актах.	Важную роль играет духовная община.

Источник: разработано автором.

Исходя из данных, представленных в таблице 1, для даосской и буддийской мысли в целом характерно скептическое отношение к жесткой социальной иерархии. Даосизм рассматривал сам институт государства как искусственный и противоречащий естественному порядку вещей. Возникнув в период социальных потрясений эпохи Сражающихся царств, он предложил принципиально иную, анти-интервенционистскую модель власти, основанную на концепции «у вэй». Идеальный даосский правитель не издает множество законов, не ведет захватнических войн и не обременяет народ тяжелыми налогами; вместо этого он стремится уподобиться природе, прислушивается к воле народа и позволяет обществу и экономике восстановиться по своим внутренним законам. Эта философия находила практическое применение в периоды ослабления центральной власти или после социальных катаклизмов, оправдывая политику снижения налогового бремени и минимизации административного вмешательства в жизнь локальных общин.

Буддизм, в свою очередь, не вступал в прямое противостояние с государственной системой, но практиковал стратегию автономии, создавая самоуправляемые монастырские сообщества, существующие относительно независимо от светской власти. В противоположность этому, легисты выступали за создание унифицированной системы, основанной на равенстве всех перед законом. Их учение, систематизированное Хань Фэй-цзы, провозглашало абсолютный приоритет строгой дисциплины и писаных правил. Легисты полагали, что поскольку идеальный «благородный муж» (правитель) встречается редко, общественный порядок должен обеспечиваться незыблемыми законами, а не личной добродетелью правителя. Ключевой идеей была постоянная борьба между порядком и хаосом, причиной которого объявлялись врожденный эгоизм и индивидуальность человека. Для исполнения законов предлагалось создать корпус чиновников-интерпретаторов.

Конфуцианство занимало противоположную легизму позицию, видя идеал в закреплении строгого иерархического порядка. В этой системе поведение индивида должно было полностью соответствовать его социальной роли и «воле небес», а отступление от норм вело к потере социального лица («лица»). Уникальной чертой конфуцианской концепции ответственности была ее коллективная природа: за проступок подчиненного мог быть наказан его вышестоящий начальник, не сумевший предотвратить нарушение. В крайних случаях применялась коллективная ответственность всей общины (деревни) за тяжкое преступление одного из ее членов. Эта идея была реализована на практике через уникальный институт государственных экзаменов кэцзюй, который позволял отбирать самых образованных людей, продемонстрировавших глубокое знание конфуцианских канонов и, следовательно, усвоивших принципы ритуала на должности. Иерархия, выстроенная на этих принципах, была не инструментом угнетения, а необходимым условием гармонии в обществе.

Если смотреть на влияние убеждений китайских философов на процесс становления цивилизации в исторической плоскости, то, становится ясно, что к началу имперского периода, ознаменованного возвышением династии Цинь, а затем и Хань, управленческие практики в Китае становились все сложнее и сложнее. Твердость легизма, позволившая объединить Поднебесную под рукой Цинь Шихуанди, продемонстрировала свою абсолютную мощь, но также и свою уязвимость, ибо империя, построенная исключительно на страхе и насилии, рухнула вскоре после смерти своего создателя. Этот крах стал суровым уроком для пришедших им на смену ханьских правителей, которые осознали, что для долговременного поддержания стабильности огромной империи одного лишь административного принуждения недостаточно. О.А. Бонч-Осмоловской, как следствие, именно в ханьскую эпоху, особенно в период правления

императора У-ди во II веке до н.э., начался процесс взаимодействия конфуцианцев и легистов [Бонч-Осмоловская, 2020, 20]. Конфуцианство было возведено в ранг официальной государственной идеологии. Однако за этим конфуцианским фасадом, воспроизводимым в классических текстах, продолжала реализовываться и легистская модель.

Важнейшим институциональным воплощением подобного синтеза стала система государственных экзаменов (или «кэцзюй»), окончательно оформившаяся в эпоху Тан и Сун, но своими корнями уходящая в ханьские начинания по поиску талантов. Как подмечает Л.А. Шогенова, такая система стала социальным лифтом, обеспечивавшим преемственность управления на протяжении веков [Шогенова, 2020, 172]. Чтобы занять административную должность, требовалось не знание конкретных административных процедур (им обучались уже на месте), а доскональное, догматическое знание конфуцианских канонических текстов – «Пятикнижия» и «Четверокнижия», а также их философских и этических комментариев. Следовательно, любой человек прошедший через многолетнюю подготовку, доказывал свою лояльность господствующей идеологии и глубокое усвоение ее норм.

Система кэцзюй создавала уникальный для доиндустриальных обществ феномен, а именно меритократию, где статус определялся не столько знатностью рода или богатством (хотя они, безусловно, помогали в подготовке), а личными заслугами, подтвержденными на имперских испытаниях. Это обеспечивало постоянный приток свежих умов в бюрократию, предотвращая ее полное окостенение. Чиновник, сдавший экзамены в Гуандуне и получивший назначение в Хэбэй, оказывался в знакомой идеологической среде, понимал и разделял ценности коллег, даже если их разговорные диалекты были взаимонепонятны. Более того, система создавала огромный резерв образованных людей (тех, кто сдал экзамены на низшие степени, но не получил должности), которые становились уважаемыми учителями.

Однако управленческий ландшафт имперского Китая не сводился лишь к диалектическому дуэту конфуцианства и легизма. Значительную, хотя и менее очевидную роль играли и другие философско-религиозные традиции, в частности, даосизм и буддизм, которые оказывали глубокое влияние на этические аспекты. Даосизм, с его концепцией ненасильственного действия предлагал альтернативную модель управления, особенно актуальную в периоды ослабления центральной власти или после социальных катаклизмов. Идеал «правления без деяний» подразумевал не бездействие, а отказ власти от грубого вмешательства в естественный ход вещей, от чрезмерных запретов и регламентации, позволяя обществу и экономике восстановиться по своим внутренним законам. Эта идея часто использовалась для оправдания политики снижения налогов, упрощения бюрократических процедур и минимизации вмешательства государства в жизнь локальных общин. Кроме того, даосские практики и мистицизм были глубоко интегрированы в придворную жизнь, влияя на ритуалы, астрологию, медицину и личные убеждения многих императоров, которые видели советников в даосских мастерах в вопросах достижения личного бессмертия и гармонии с космосом, что, безусловно, косвенно влияло и на государственные решения.

Буддизм, проникший в Китай извне и прошедший сложный путь адаптации, внес свой уникальный вклад в поддержание социального порядка. Идея о том, что благочестие и послушание в этой жизни гарантируют лучшее перерождение в следующей, а грехи и неповиновение властям ведут к страданиям в последующих реинкарнациях, работала на глубинном, психологическом уровне, побуждая массы к добровольному соблюдению норм. Многие императоры из династий, следующих за Хань (например, Южных и Северных династий, Суй, Тан), были покровителями буддизма, видя в нем не только путь к личному спасению, но и

инструмент укрепления объединения страны для общей цели. Буддийские монастыри часто брали на себя важные социальные функции: благотворительность, образование, медицинскую помощь, что загружало государственный аппарат.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие **выводы**.

1. В древнем Китае постепенно вызревали первые прототеоретические концепции администрирования, нашедшие свое системное воплощение в идеологии легизма. Легисты, наиболее ярко представленные фигурами Шан Яна и Хань Фэя, предложили модель управления, основанную на универсальном законе, а также системе жестких поощрений и наказаний. Антитезой ригоризму легистов выступило этико-ритуальное учение Конфуция, которое в конечном счете и легло в основу всей дальнейшей китайской управленческой культуры. Ключевыми категориями философской парадигмы стали «пи» (ритуал, этикет, нормы поведения), «жэнь» (человеколюбие, гуманность) и «сяо» (сыновняя почтительность). Идеальный правитель, по Конфуцию, управляет не через указы и наказания, а через силу личного примера и добродетели (дэ), которая притягивает подданных подобно тому, как ветер гнет траву. Государство уподобляется большой патриархальной семье, где отношения строятся по модели «отцы – дети».

2. Параллельно даосская мысль, ассоциируемая с Лао-цзы и Чжуан-цзы, предложила принципиально иную модель управления, основанную на принципе «у-вэй», то есть недеяния, понимаемого не как пассивность, а как спонтанное и точное соответствие естественному ходу вещей, Дао. Мудрый правитель, следуя даосским заветам, не навязывает миру свою волю, а подобно скульптору, удаляет все лишнее, позволяя обществу функционировать в соответствии с его собственной природой.

3. Ключевой идеей буддизма является концепция кармы, то есть причинно-следственной связи между поступками и будущими перерождениями. Им противопоставлялись легисты. По мнению ее представителей, центральным механизмом управления была система поощрений и наказаний, причем последние должны были многократно перевешивать первые, поскольку страх перед суровым наказанием является гораздо более мощным мотиватором, чем надежда на слабую награду. Эта система была полностью лишена морального измерения: награждалось только то, что было полезно государству (убийство врагов, производство зерна), и каралось все, что наносило ему ущерб, причем мотивы человека, его намерения или раскаяние не имели абсолютно никакого значения; важен был только объективный результат и факт нарушения предписания.

Библиография

1. Бонч-Осмоловская О.А. Конфуцианский комментарий в эпоху Хань // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2020. – №1. – С. 17-36.
2. Евтихов О. В. Принципы теории управления, описанные в древнекитайских трактатах // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – №5. – С. 36-41.
3. Караев Э.Т. Принцип «недеяния» в трактовке Лао-цзы и Чжуан-цзы Вестник науки. – 2024. – №1. – С. 157-162. DOI:10.24412/2712-8849-2024-978-157-162
4. Ли Сяосюань. Роль конфуцианства во внутренней политике современного Китая // Россия в глобальном мире. – 2022. – №25. – С. 91-106. DOI: 10.48612/tg/RGW.25.6
5. Марханова Т.Ф. Буддийские монастыри Китая, Кореи и Японии (V-VII вв. Н. Э.) // Genesis: исторические исследования. – 2018. – №5. – С. 109-124. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.5.23953

6. Рябинин А. Л. Сельская община в Китае: pro et contra // Восточный курьер. – 2020. – № 1. – С. 57-79.
7. Сидаш К.С., Каландаришвили З.Н., Кандаурова А.В. Генезис и основы древнекитайской правовой доктрины легизма // Право и практика. – 2018. – №2. – С. 5-10.
8. Цун Фэнлин, Дубкова О.В. Ключевые понятия легизма и их трансформация в современной китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2023. – №9. – С. 162-168. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162
9. Шогенова Л.А. Система государственных экзаменов для чиновников «Кэцзюй» в императорском Китае // Манускрипт. – 2020. – №8. – С. 170-174. DOI: 10.30853/manuscript.2020.8.31
10. Юй Цзян. Влияние идей Лао-цзы, Сунь-цзы и Шэнь Бухая на формирование управленческих практик в древнем Китае // Финансы и управление. – 2024. – №4. – С. 1-12. DOI:10.25136/2409-7802.2024.4.72102
11. Nishijima S. The Economic and Social History of Former Han // Cambridge University Press. – 1986. – №1. – P. 545-607.

A Brief History and Genesis of Management Practices in the Context of Chinese Socio-Philosophical Thought

Li Xiaozhou

Graduate Student,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: 453410849@qq.com

Abstract

The article addresses the relevant problem of revealing the historical heritage of Chinese management thought in the context of its applicability for solving current contemporary issues. The research aims to analyze the evolution of existing philosophical views within the context of state governance in China during different historical periods. The requirements for a ruler in accordance with the expectations of Chinese society in different historical eras are examined. Significant attention is also paid to the process of influence of existing philosophical beliefs on the formation of Chinese civilization. The historical interaction of these ideas in the development of corporate ethics principles is investigated. The analysis focuses on key paradigms that shaped the traditional governance model: Confucianism with its principles of hierarchy, "ren" ("humanity") and "li" ("ritual"), Taoism with the concept of "wu-wei" ("non-action"), and Legalism with its doctrine of "fa" ("law"). Consequently, the scientific novelty of the research lies in the description and generalization of theoretical knowledge related to religious-philosophical traditions concerning mechanisms for maintaining social order. As a result, it is revealed that early management practices formed on the basis of sacred representations (ancestor worship, Heaven), where the ruler acted as a mediator responsible for maintaining cosmic harmony. The analysis of the principles of "ren" and "li" (Confucius), "wu-wei" (Lao Zi), and "fa" (Shang Yang) also enables the identification of universal mechanisms for harmonizing relations between the individual, society, and the state.

For citation

Li Xiaozhou (2025) *Kratkaya istoriya razvitiya i genezis upravlencheskikh praktik v kontekste sotsial'no-filosofskoy mysli Kitaya* [A Brief History and Genesis of Management Practices in the Context of Chinese Socio-Philosophical Thought]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (8A), pp. 43-52. DOI: 10.34670/AR.2025.16.37.006

Keywords

Chinese philosophy, harmony, Confucianism, Buddhism, Taoism, Legalism, principles of Chinese society governance, management practices.

References

1. Bonch-Osmolovskaya O.A. (2020) The Confucian Commentary in the Han Era. *V.I. Vernadsky Crimean Federal University Scientific Notes. Historical Sciences*, 1, pp. 17-36.
2. Yevtikhov O.V. (2010) Principles of Management Theory Described in Ancient Chinese Treatises. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 5, pp. 36-41.
3. Karayev E.T. (2024) The Principle of "Non-Action" in the Interpretation of Laozi and Zhuangzi. *Science Bulletin*, 1, pp. 157-162. doi:10.24412/2712-8849-2024-978-157-162
4. Li Xiaoxuan. (2022) The Role of Confucianism in the Domestic Policy of Modern China. *Russia in the Global World*, 25, pp. 91-106. doi: 10.48612/rg/RGW.25.6
5. Markhanova T.F. (2018) Buddhist Monasteries of China, Korea and Japan (5th-7th centuries AD). *Genesis: Historical Research*, 5, pp. 109-124. doi: 10.25136/2409-868X.2018.5.23953
6. Ryabinin A.L. (2020) The Rural Community in China: Pro et Contra. *Oriental Courier*, 1, pp. 57-79.
7. Sidash K.S., Kalandarishvili Z.N., Kandaurova A.V. (2018) Genesis and Foundations of the Ancient Chinese Legal Doctrine of Legism. *Law and Practice*, 2, pp. 5-10.
8. Zun Fengling, Dubkova O.V. (2023) Key Concepts of Legism and Their Transformation in Modern Chinese Linguoculture. *Moscow State Linguistic University Bulletin*, 9, pp. 162-168. doi: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162
9. Shogenova L.A. (2020) The System of State Examinations for Officials "Keju" in Imperial China. *Manuscript*, 8, pp. 170-174. doi: 10.30853/manuscript.2020.8.31
10. Yu Jiang. (2024) The Influence of the Ideas of Laozi, Sunzi and Shen Buhai on the Formation of Management Practices in Ancient China. *Finance and Management*, 4, pp. 1-12. doi:10.25136/2409-7802.2024.4.72102
11. Nishijima S. (1986) The Economic and Social History of Former Han. *Cambridge University Press*, 1, pp. 545-607.